

Фото: РИА Мода / Наталья Бухочина

Настоящее и будущее легкой промышленности

Рынок товаров легкой промышленности — самый крупный рынок в России после продуктов питания. Автомобили, радиоэлектроника, парфюмерия и другие товары идут далеко позади. При этом, по данным ОАО «Рослегпром», сегодня около 80% товаров легкой промышленности, реализуемых в стране, импортируемые — только 20% остается на долю отечественных производителей, до 43% ввозимых товаров — контрафактная продукция.

О необходимости экстренной государственной помощи и эффективного администрирования российской отрасли легкой промышленности в беседе со специальным корреспондентом журнала «ЭС» Ларисой Полковниковой рассказывает президент ОАО «Рослегпром» Александр Александрович Круглик. От правильной политики в обсуждаемых вопросах, особенно в контексте вступления России в ВТО, зависит положение нашей страны в новой, многоступенчатой иерархии государств.

Не осложнит ли вступление в ВТО и как следствие увеличение импорта товаров ситуацию в отечественном легпроме?

На самом деле серьезное обсуждение этой проблемы началось в 2000 году, когда Юрий Максимович Медведков впервые собирал в Торгово-промышленной палате представителей отечественной промышленности. Наши промышленники идею вступления в ВТО тогда приняли в штыки — сочли, что мы к этому не готовы, а потому больше потеряем, чем приобретем. В одной из последних статей Медведков прямо

На российском рынке 80 процентов товаров легкой промышленности составляет импорт. Из этих 80 процентов около 45 процентов — контрабанда. Вступление в ВТО усугубит ситуацию, так как весь импорт будет беспошлинным.

указывает, что решение о присоединении к ВТО — политическое. 150 крупнейших стран являются членами этой организации, и Россия должна последовать их примеру. Ряд отраслей от этого выиграет, в частности металлургическая, а такие отрасли, как легкая и пищевая промышленность стали разменной монетой в этой игре. Судите сами: еще в ходе переговоров пошлины на ввоз обуви и одежды три раза уменьшались и в итоге были снижены более чем вдвое. Сейчас на российском рынке 80 процентов товаров легкой промышленности составляет импорт. Вступление в ВТО еще больше усложнит эту ситуацию, потому что Россия приняла на себя обязательства по дальнейшему снижению ввозных пошлин. А ведь пошлины — это не только дополнительные поступления в бюджет, они должны выполнять защитную функцию.

Защищать внутренний рынок?

Конечно. Но у нас это, к сожалению, практически не работает.

В легкой промышленности, как я уже сказал, ввозные пошлины уменьшены. Будут также снижены пошлины на вывоз отечественного сырья. Например, в России есть кожевенные заводы, которые перерабатывают кожу. Кожи не хватает, это валютный товар. Отечественные предприниматели вывозят сырую кожу, которая перерабатывается в Европе или в Китае, а потом возвращается к нам, но уже по другой цене. Наши кожевенные заводы работают не на полную мощность из-за отсутствия сырья. В связи с этим Российский союз кожевников и обувщи-

ков очень долго добивался введения защитных пошлин. Пошлина была 500 евро за тонну, что приводило к удорожанию кожевенного сырья, а потому кожу в основном перерабатывали в России. Сегодня 30 процентов продукции нашей кожевенной промышленности — готовых кож — поставляется на экспорт. 30 процентов итальянской кожевенной промышленности работает на нашем сырье.

Что произойдет после вступления в ВТО? Через пять лет эти пошлины должны уменьшиться в два с половиной раза и, естественно, начнется вывоз кожсырья. Это в конечном итоге приведет к значительному сокращению численности работающих, отечественная промышленность будет нести убытки.

Как я уже сказал, на российском рынке 80 процентов товаров легкой промышленности составляет импорт. Из этих 80 процентов по разным данным около 45 процентов — контрабанда, ввози-

Фото: РИА Мода / Наталья Бухонина

мая через так называемые серые схемы: вместо одежды в документах числятся какие-то другие, более дешевые товары, что позволяет уменьшить размер пошлины или вообще ее не платить.

Чтобы бизнес был успешным, его нужно планировать. А как планировать, если непонятно, что творится на рынке. Есть официальная статистика выпуска отечественной продукции, таможенная статистика — официальный импорт, и в то же время огромный объем товаров нигде не зарегистрирован, его как бы нет, а на самом деле он есть. Это отчетливо видно из статистических данных торговли. Если посмотреть, сколько произведено, сколько ввезено и сколько продано, то проданное отличается почти на 50 процентов. Тут, конечно, какой-то процент теневого производства, которое у нас до сих пор существует и будет существовать, потому что в России только декларируется создание благоприятных условий для ведения бизнеса, а на самом деле они совсем не благоприятные. Вступление в ВТО только усугубит эту ситуацию, так как весь импорт будет беспошлинным.

Между тем в легкой промышленности можно было бы сделать то же самое, что и в автомобильной. Пошлины на автомобили высокие, а на комплектующие низкие, поэтому в России открылось много сборочных производств — собирать готовую продукцию на месте дешевле, чем завозить. И опыт работы с импортными комплектующими у нас есть. Мы в 1990-е годы работали по толлингу — на давальческом сырье — и выжили за счет этого. Вся Европа шила в России свою продукцию. О чем это говорит? О том, что у нас есть соответствующая производственная база и очень хорошие рабочие руки, способные выпускать продукцию по европейским стандартам. Наши предприятия не только заработали на этом, но и освоили новые материалы, операции, технологии. В советское время мы шили огромными объемами один и тот же товар. А здесь научились отшивать партии буквально в несколько сот штук и быстро переключаться на другую модель.

Что позволяет в такой ситуации успешно решать вопросы привлечения кредитов и инвестиций для

технического перевооружения предприятий отрасли?

В конце 1980-х годов мы перевооружили почти всю легкую промышленность, было закуплено импортное оборудование. А потом провал. И после вступления в ВТО нас ничего хорошего не ждет, потому что очень многие виды продукции дешевле будет ввезти, чем производить в России.

Что в этой ситуации можно сделать? Во-первых, предпринимателям придется как-то изворачиваться, чтобы устоять, во-вторых, я думаю, по ходу дела все равно что-то будет меняться. Одно из условий, поставленных ВТО, — прекращение государственной помощи промышленности и сельскому хозяйству. Но у нас в сельском хозяйстве условия не такие, как в той же Европе, — климат более суровый, культура производства другая и т.п.

Если говорить о легкой промышленности, то, во-первых, психологически угнетает, что государство не защищает, а наоборот, сдает отрасль. Нужна ли нам вообще легкая промышленность? Только неразумные могут сказать, что не нужна, потому что это самая человекоемкая отрасль. В СССР в ней было занято 1 200 000 человек, сейчас около 350 000. На 70 процентов это женский труд. Крупные текстильные комбинаты, кожевенные заводы нередко расположены в районных центрах и являются градообразующими предприятиями. Нас давит импорт, значит, мы вынуждены снижать себестоимость своей продукции, но низкая себестоимость и низкая цена — это невысокая зарплата рабочих. В легкой промышленности самая низкая заработная плата. По стране в среднем — 12 000 рублей, а в Москве — 26 000 рублей. Но в Москве осталось всего 3500 легковиков, а был гигантский култ.

Но знаете, не все так плохо. Мы научились работать, конкурировать, очень много товаров поставляем

на экспорт, начиная от обуви и заканчивая натуральной кожей.

Раньше предприятия легкой промышленности размещались в центре города, им обеспечивались хорошие подъездные возможности. Сейчас на их месте торговые центры. Предприятие банкротят, получают его в собственность и распоряжаются им по своему усмотрению — либо сносят и открывают торговый центр, либо используют под склады. Но есть люди, которые упираются до последнего и работают, несмотря ни на что.

У нас есть производственная база и очень хорошие рабочие руки, способные выпускать продукцию по европейским стандартам.

Недавно я вернулся из Коврова, это во Владимирской области. Там 800 человек в две смены работают, шьют мужские костюмы «Сударь». И такое же предприятие в Пскове выпускает костюмы, которые поставляются в Северную Европу. А костюм — это один из самых сложных видов продукции в швейной промышленности. То, что мы умеем шить хорошие костюмы, говорит о профессионализме наших работников. Или еще пример: когда закрыли Черкизовский рынок, многие из тех, кто там работал, создали свои малые предприятия в Московской, Владимирской, Тульской, Тверской областях и производят качественный товар. Меня это радует. Одна проблема: государство должно создавать такие условия, чтобы людям выгодно было работать честно, без серых схем.

В советские времена легкая промышленность давала до 17 процентов бюджета, а сейчас — меньше 1 процента. Герман Греф, когда был министром экономического развития, говорил, что это в пределах погрешности бюджета. Если это такая незначительная величина, почему бы не провести эксперимент: освободить легкую про-

мышленность от налога на два-три года при условии, что освобожденные средства будут направлены на перевооружение. Я уверен, что каждый здравомыслящий предприниматель воспользуется такой возможностью. Если все пройдет удачно в легкой промышленности, можно будет сделать то же самое и в других отраслях.

В 2010 году на перевооружение было истрачено 14 млрд рублей — рекордная сумма. О чем это говорит? О том, что люди хотят работать в отрасли и работают. С госструктурами у нас взаи-

мопонимание очень-очень слабое, к сожалению. Министерство торговли создало стратегию развития отрасли до 2020 года, согласно которой в 2020 году легкая промышленность должна занимать на отечественном рынке не 18–20 процентов, как сейчас, а 50 процентов. Это не более чем благое пожелание...

Отечественная легкая промышленность постоянно демонстрирует прирост выпуска продукции, но параллельно гораздо быстрее увеличиваются объемы импорта. Рынок мы на 80 процентов отдали неизвестно кому. Если разобраться, это бешеные деньги.

Согласны ли Вы с тем, что главное препятствие на пути развития российской легкой промышленности — это вещежные рынки, торгующие контрафактом?

Сам по себе вещежной рынок — элемент разрухи. Рынки, если помните, появились у нас в 1990-е годы. На них контрабанда в основном и реализуется. Они бесхозные: качество товаров там очень низкое, потому что никто его не проверяет, обстановка криминальная — милиция этим не занимается. Подобные рынки есть в каждом об-

ластном и районном центре и располагаются они, как правило, рядом с продуктовыми рынками, чтобы человек, пришедший за продуктами, зашел и в вещежные ряды. Сейчас, когда появилось много разных торговых точек,

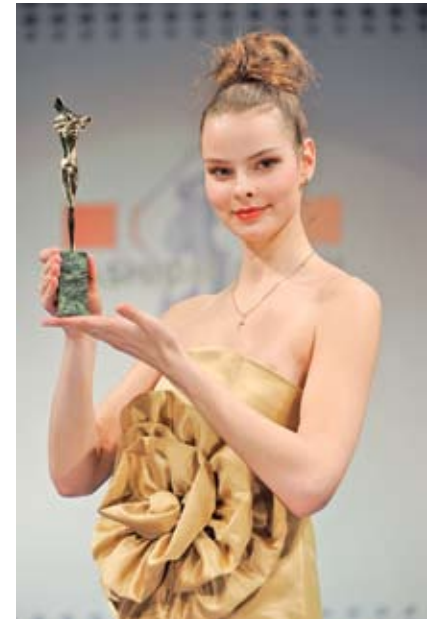

Фото: РИА Мода / Наталья Бухонина

рынки можно было бы потихоньку закрывать.

Известный историк Николай Стариков в числе последствий вступления в ВТО назвал значительное увеличение оттока капитала и отсутствие дополнительных прямых инвестиций в Россию, увеличение оттока квалифицированной рабочей силы, невозможность модернизации промышленности и консервацию сырьевой модели экономики, ослабление защиты потребите-

В советские времена легкая промышленность давала до 17 процентов бюджета, а сейчас — меньше 1 процента.

лей от воздействия генно-модифицированных и злокачественных продуктов, поскольку правила ВТО не позволяют запретить их ввоз. С чем Вы могли бы согласиться и что опровергнуть?

Каждый год из России вывозятся десятки миллиардов долларов. Следовательно, наше государство не создало условий для инвестирования. Да и боятся люди, что отнимут. Стариков прав, говоря о невозможности модернизации промышленности и о консервации сырьевой модели экономики. Нам повезут товары, а не технологии. Иностранцам наш рынок очень интересен: страна огромная, покупательная способность населения высокая. Мы продаем нефть и газ, за счет этого люди, кто прямо, кто опосредованно, получают заработную плату и тратят ее на привозное барахло! А ведь часть товаров мы можем сами производить. В Белоруссии, например, люди в первую очередь покупают свое, потому что там есть строгий контроль государства. В рамках ВТО разрешены генно-модифицированные продукты, значит, и мы будем получать модифицированную сою вместо колбасы.

Россия сейчас нуждается не в экспансии, а в защите и восстановлении внутреннего рынка. Для

отечественной легкой промышленности лучшее время — кризис. После дефолта 1998 года она каждый год прирастала более чем на 20 процентов. В Россию везли меньше импорта, у населения снизилась покупательная способность, и наш предприниматель моментально отреагировал — увеличил выпуск, чтобы удовлетворить спрос. Во время кризиса 2008–2009 годов легкая промышленность опять продемонстрировала рост. В 2011 году — 12 процентов.

О чем это говорит?

О том, что мы развиваемся не благодаря чему-то, а вопреки. Условия для ведения бизнеса в России, будем прямо говорить, плохие, поддержка государства только на словах. Неужели границу нельзя перекрыть, чтобы контрабанды не было? Можно, но она выгодна — у нас везде коррупция.

Причина в том, что администрирование осуществляют непрофессионалы?

С кем бы из наших чиновников я ни встречался, все они, как правило, люди компетентные и умные, но не понимают простых вещей. Когда мы говорим о необходимости защитных мер, молодые ребята в Минэкономразвития спрашивают: вы что же хотите, чтобы у нас было меньше дешевых товаров? Повышение пошлин приведет к увеличению цены, и пострадают люди. Я объясняю: если на рынке будет изобилие дешевого импорта, эти же люди потеряют работу. Нужны и дешевые, и дорогие товары, а выбирать будет покупатель, но для этого у него должна быть нормальная зарплата. Все взаимозависимо. С другой стороны, мы продали нефть, завезли дешевый товар, своих людей оставили без работы, и им теперь придется платить пособия. Выгодно

ли это государству? С какой стороны ни посмотри, нужно развивать свое производство.

Как изменилась российская легкая и текстильная промышленность за годы реформ?

Кардинально изменилась. Чтобы в этом убедиться, достаточно посетить наши федеральные оптовые ярмарки товаров и оборудования легкой и текстильной промышленности, которые проходят на ВВЦ. Они проводятся с 1993 года по инициативе Рослегпрома и собирают по две с половиной тысячи участников. Около 80 процентов — это российские предприниматели. Товары там самого высокого качества. Вот, смотрите, у меня костюм марки Truvor. Написано латиницей и вроде импорт, а на самом деле это псковская фабрика «Славянка», а Трувор — псковский князь. Так делается для привлечения отечественного покупателя, который по привычке отдает предпочтение импорту.

И в таких костюмах ходят многие наши чиновники. Эти костюмы шьют и дешевые, и дорогие. Отличаются они качеством материала и фурнитуры. Дорогие из итальянской или английской шерсти, а сшиты они одинаково — технологии такие, что нельзя сшить из дешевого плохо, а из дорогого хорошо.

Каковы основные итоги работы легкой промышленности в 2011 году?

Как я уже сказал, в 2011 году она продемонстрировала 12-процентный рост. Но за тот же период импорт вырос на 150 процентов. Так что оценивать очень сложно. При этом перед нами поставили задачу к 2020 году занять 50 процентов рынка. Как этого добиться, если государство ничем не помогает и нам приходится сдавать и сдавать позиции? Но даже в таких тяжелых условиях некоторые наши предприятия уверенно развиваются, привлекают кредиты и инвестиции для техниче-

ского перевооружения. Кредиты в России, как известно, очень дорогие. Но тут государство нам немножко помогает — субсидирует процентную ставку. Когда предприятие берет кредиты на закупку сырья и материалов, государство компенсирует две трети банковской ставки. Это существенная помощь, и десятки предприятий ею пользуются. Сейчас разрешили использовать субсидирование процентной ставки и при покупке оборудования. Однако даже с учетом компенсации процентной

ставки предприятия боятся брать кредиты.

Федеральные оптовые ярмарки товаров и оборудования легкой и текстильной промышленности, о которых Вы упоминали, стали ведущим отраслевым смотром отечественных товаропроизводителей. Способствуют ли они развитию бизнеса стабильных предприятий и созданию новых производств?

Ярмарки проводятся два раза в год: как правило, в феврале-марте

и сентябре. Это рабочие мероприятия, в ходе которых заключается огромное число сделок. Как я уже сказал, 80 процентов участников — это отечественные производители и примерно 20 процентов — иностранные. Специалистам, покупателям, продавцам, технологам ярмарки предлагают очень насыщенную деловую программу. Они комплексные, и это очень удобно: представлены и ткани, и фурнитура, и швейные изделия, и кожа, и галантерея, и обувь. Например, приехали швейники, чтобы продать свою продукцию. Одновременно они могут ознакомиться с ассортиментом тканей, подобрать необходимую фурнитуру.

Мы считаем, что в каждом регионе должна быть постоянно действующая ярмарка комплектующих. Надо поставить такое условие: те, кто завозит в Россию комплектующие, которые у нас не производятся, получают право торговать беспошлинно. А вот пошлину на готовую импортную продукцию нужно поднять. Это не только защитная мера, но и средство пополнения бюджета. А если следовать правилам ВТО, то бюджет только потеряет из-за снижения объемов производства и усиления безработицы.

Нельзя забывать и о профессиональной деградации как следствии безработицы.

Деградация у нас уже идет. Представьте себе, в России пять миллионов молодых людей — охранники. Они уже никогда не пойдут на производство. Это люмпенизация населения.

Ваше профессиональное кредо? Реализация возможностей.

Лаконично.

Жизнь заставляет. В этом году Рослегпрому исполняется 20 лет. Наша основная задача — защита интересов отрасли в органах государственной власти и управления.

Сейчас три страны — Казахстан, Россия и Белоруссия создали Та-

Фото: РИА Мода / Наталья Бухонина

моженный союз. У Рослегпрома есть договор с Ассоциацией предприятий легкой промышленности Республики Казахстан, а также с Беллегпромом. Это организация, которая объединяет предприятия легкой промышленности Белоруссии. В Белоруссии и России легкая промышленность развита, в Казахстане — не особенно. Отсюда разные позиции по вопросу защиты интересов отрасли, да и по другим вопросам. Или еще такая проблема: Казахстан — член ВТО, Россия вот-вот станет членом ВТО, а Белоруссия — не член ВТО. В данном случае политика довлеет над экономикой, что ненормально, потому что политика есть концентрированное выражение экономики. По крайней мере нас так учили.

Легкой жизни мы не ждем, но и сдавать позиции не собираемся. Я знаю людей, которые работают в нашей отрасли: они стонут, ругаются, но, одержимые работой, тащат свой воз. За последние 20 лет несмотря ни на что сделано очень много. Вот, допустим, «Парижская коммуна» и «Котофей» шьют отличную детскую обувь, лучше импортной, а «Большевичка» — мужские костюмы. Успешно развивается крупнейший в Европе рязанский коззавод «Русская кожа», объемы выпуска продукции у него гигантские, и она пользуется большим спросом. Или ярославский завод «Хром», выпускающий кожи, которые идут на экспорт в Европу. А Вы знаете, что «Ральф Рингер» и «Глория джинс», известные качеством своей продукции, — это российские компании? И таких примеров много.

Рынок наш интересен для иностранцев, и они заинтересованы в честной конкуренции. Кстати, в России официально работает немало китайцев, которые производят и продают неплохую продукцию. А они тоже страдают из-за дурной славы некачественного китайского товара. С другой стороны, завозят его не китай-

Фото: РИА Мода / Наталья Бухонина

того длинное волокно. В последние годы появилась тенденция котонизации льняной ткани, то есть приближения ее по характеристикам к хлопчатобумажной. Наши предприятия вплоть до недавнего времени делали суровые льняные ткани и поставляли их в Европу, где производилась отделка. Сейчас европейские потребности сократились и отечественные предприятия «провисли». Но вот недавно на Вологодчине появилась фирма «Линум», где разрабатываются новые великолепные костюмные ткани. Они работают буквально несколько лет, но достигли уже очень больших успехов. Надеюсь, что в рамках союзного государства будет разработана единая программа в этой об-

Россия сейчас нуждается не в экспансии, а в защите и восстановлении внутреннего рынка.

цы, а наши же предприниматели. И наши чиновники, к сожалению, не дорабатывают, начиная от таможенных органов и заканчивая органами, контролирующими качество товара.

Многие эксперты считают, что интеграция в мировое сообщество эффективна только для отраслей, где экспорт составляет не менее половины объемов производства. Актуально ли улучшение условий экспорта, которое обещает ВТО, для российских текстильщиков?

Ситуация в текстильной промышленности очень тяжелая. Дело в том, что у нас нет сырьевой базы, хлопок мы вынуждены покупать на биржах. Из-за неурожая цена на это сырье выросла в два с половиной раза и у наших предприятий возникли проблемы.

Ален?

В 1990-е годы сократились посевы льна, селекционная работа практически не велась. Чтобы сделать качественную льняную ткань, нужен лен-долгунец, у ко-

ласти, ведь в Белоруссии льну тоже уделяется большое внимание. Лен растет везде от Архангельска до Сибири.

И он нас всегда выручал.

Да, это направление интересное. Шерсти у нас своей тоже практически нет. Была когда-то романовская и другие шерстяные породы, но сейчас в России селекция не ведется и мы завозим шерсть из Новой Зеландии.

Как случилось, что мы так много потеряли?

Помните, как Гайдар сказал: нам легкая промышленность не нужна, мы все завезем. Мол, нам достаточно нефти и газа. Сейчас много говорят про инновации. Но чтобы было кому создавать инновации, людей нужно сначала накормить и одеть. Мы не просим денег у государства на развитие легкой и пищевой промышленности, мы хотим, чтобы оно создало условия для такого развития. Чтобы можно было работать и не бояться.

■

ПЭС 12022/16.02.2012